

С. А. Исаев

Рецензия на монографию: *Андерсон Б.*
Воображаемые сообщества. Размышления
об истоках и распространении
национализма / Пер. с англ. В. Николаева;
вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково
поле, 2016. 416 с.

За этой книгой уже закрепилась вполне определенная репутация: ее считают классическим исследованием природы современных политических наций. А название книги уже давно живет жизнью, отдельной от самой книги: как лапидарная уничижительная характеристика тех самых наций. Придется оценивать отдельно саму книгу, отдельно — ее заглавие.

Бенедикт Андерсон родился в 1936 г. в Китае, в семье британского колониального чиновника ирландского происхождения. В 1941 г. семья вынуждена была бежать от японской оккупации в Калифорнию, с 1945 г. жила в Ирландии. Б. Андерсон учился в Англии (Итоне и Кембридже), затем в США. Он стал крупным специалистом по Таиланду и Индонезии, преподавал в своей американской alma mater — Корнелльском университете, где в последние годы был почетным профессором. Б. Андерсон скончался 13 декабря 2015 г. на Яве.

Над этой книгой он начал работать, желая понять природу вооруженных конфликтов между коммунистическими режимами Китая, Вьетнама и Кампучии / Камбоджи в 1978–1979 гг. Второе русское издание перевода «Воображаемых сообществ» вышло вскоре после кончины автора и представляет читателю

окончательный вариант книги. Б. Андерсон констатирует: нации существуют. С очень сложным чувством пишет он о том, как существование наций проявлялось в войнах: «Нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество. В конечном счете, именно это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения» (с. 49). В этом тексте налицо и уважение к мученикам национальной идеи, и некоторое недоумение. Чувство приверженности своей нации часто бывает настолько сильным, что за нее умирают. Но научного определения слова «нация» нет. Андерсон ссылается на своего предшественника: «Хью Сетон-Уотсон, автор самого лучшего и всеобъемлющего текста о национализме в англоязычной литературе и наследник богатой традиции либеральной историографии и социальной науки, с горечью замечает: “Итак, я вынужден заключить, что никакого научного определения нации разработать нельзя; и вместе с тем феномен этот существовал и существует до сих пор”» (с. 43). Тем не менее Б. Андерсон отважился на свою попытку исследования природы политических наций.

Существует классический алгоритм исследования большой проблемы. Первый шаг — предварительное ее описание, в котором обычно наличествуют определения, также предварительные и обычно дедуктивные, т.е. подводящие к определению предмета через общие и общеизвестные представления. Тем самым очерчивается круг фактов, подлежащих дальнейшему, более скрупулезному изучению. Затем формулируется исследовательская задача и первые вопросы, на которые исследователь хочет получить ответ. После следует основная часть исследования — самая интересная для профессионалов: изучение материала главным образом индуктивным методом, новые, более конкретные вопросы, выстраивание обобщений на основе ответов — сначала простых, потом посложнее. Первоначальное определение обычно уточняется через привязку определяемого к неочевидному и вновь выявленному, чаще всего — к каким-то деталям: важным, но не очевидно важным, а таким, на которые впервые обратили внимание только в процессе изучения. Завершают такое исследование, по традиции, выводы. Прочитав такое исследование и усвоив его содержание, мы получаем о предмете гораздо более четкое, детализированное, часто откорректированное представление и обычно узнаём о существовании у этого предмета какого-то важного аспекта, о котором раньше не знали.

Сухую схему да будет позволено проиллюстрировать примерами.

Исследование Д. И. Менделеева о химических элементах, где он предлагает принцип их систематизации¹, начинается с уточнения различия между простым телом и элементом. Затем Менделеев констатирует: «Из всех свойств элементов, подлежащих точному измерению, накопился большой запас данных поныне только для двух: для атомных весов и для способности к образованию различных форм соединений». Сведения о способности к образованию соединений слишком отрывочны, зато «элементы обладают еще рядом так называемых

химических свойств, до сих пор не подлежащих точному измерению, но хорошо понимаемых химиками и служащих для характеристики элементов»². Отобрав, таким образом, для дальнейшего анализа только два параметра — атомный вес и химические свойства, Менделеев констатирует: «Между элементами с большим атомным весом давно замечены аналоги таких элементов, которых атомные веса имеют гораздо меньшую величину». Если их выстроить в ряд от минимального атомного веса до максимальных и разбить этот ряд на строки, «тогда тотчас замечается поразительная простота отношений»³, которые позволяют составить знаменитую таблицу. Сопоставления свойств элементов, принадлежащих к одному периоду, но разным группам, и к одной группе, но разным периодам, позволяют понять «естественный порядок», в который встроены все известные элементы. В заключительной части исследования Менделеев даже высказывает предположение, что открытая им закономерность — закон периодичности — позволит выяснить и кое-что новое: определить атомные веса малоисследованных элементов, предсказать свойства еще не открытых элементов⁴. В самом деле в таблице были пробелы, и один из них уже в конце 1875 г. был заполнен с открытием галлия⁵.

Иван Александрович Ильин (1883–1954) всю жизнь работал над трактатом «О монархии и республике»⁶, в котором попытался выявить принципиальные различия между этими двумя типами государственных устройств. Он начинает с описания общепринятого понимания этого различия. «Обычно считается», что и в монархии, и в республике глава государства — «единственная персона»; но если права этой персоны передаются по наследству, бессрочны и не предполагают никакой ответственности, то это монархия; «если же права этой персоны приобретаются на основании избрания», ограничены определенным сроком и не исключают ответственности, то это республика⁷. Но затем Ильин приводит множество фактов, которые не вписываются в эту схему: в частности и Папа Римский, и император Священной Римской империи избирались⁸. Ильин приходил к выводу, что монархия характеризуется не какими-то внешними чертами политического устройства, а наличием особого монархического правосознания: «Монархическому правосознанию присуще тяготение к... сосредоточению национальной энергии в едином лице, к которому направлены все волевые лучи... Этот процесс аккумуляции, т.е. собирания духовных сил в одном, их сосредоточения, усиления, укрепления, “интенсификации” и “потенцирования” (т.е. увеличения духовной, волевой и политической мощи Государя), составляет самую сущность истинной монархии»⁹. Опираясь на такое представление, Ильин делал непростой для него как монархиста вывод: лучше республика с монархическим правосознанием, вроде Финляндии или США, чем монархия, в которой такого правосознания нет.

Выдающийся генетик Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) всю жизнь работал над трактатом «Гениальность и генетика. Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности»¹⁰. Его интересо-

вали возможные корреляции между гениальностью и соматическими заболеваниями. Трактат начинается огромной подборкой определений гениальности и списком подлежащих изучению гениев, причем В. П. Эфроимсон с порога отвергает принцип «гений и злодейство суть вещи несовместные»¹¹: патографии злых гениев он изучал на равных основаниях с прочими. Проанализировав огромный объем сведений о заболеваниях гениальных людей, Эфроимсон пришел к выводу, что гениальность чаще всего сочетается с подагрой, маниакально-депрессивным психозом, синдромом Марфана и синдромом Морриса¹².

Б. Андерсон в начале своего исследования строго следует описанному исследовательскому алгоритму. Он начинает с предварительного определения политической нации. (Точности ради я буду дублировать русские переводы наиболее важных высказываний Андерсона цитатами на языке оригинала, т.е. на английском): «Я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (с. 47) («I propose the following definition of the nation: it is an imagined political community — and imagined as both inherently limited and sovereign»¹³).

Отметим, что *imagined* в заголовке книги переведено как «воображаемые», здесь же — «воображенные». Грамматически допустимы оба варианта перевода, переводчику приходится выбирать тот или иной исходя из контекста. А смыслы, вложенные Б. Андерсоном в *imagined*, могут и различаться, потому что его концепция предполагает различие между такими сообществами, которые в прошлом еще только пытались (или сейчас пытаются) вообразить, но которые не были успешно «воображены», с одной стороны, и успешно «воображенными», поныне существующими — с другой. К этому различию мы еще вернемся. Пока же остановимся на общем для двух вариантов перевода смысле этого слова — *imagined* — подробнее.

Когда мы на нашем обыденном языке называем какой-то объект — в том числе и человеческое сообщество — «воображенным» или «воображаемым», то что мы имеем в виду? Каждый из нас легко может вообразить то, что существует: свой дом, Солнце, проходящую через родной город железную дорогу. Но назовем ли мы такие объекты «воображаемыми»? Разумеется, нет. Воображаемыми мы назовем такие и только такие объекты, которых на самом деле не существует и не существовало в прошлом, но вообразить их можно: например волшебную палочку, флогистон, Змея Горыныча, Козьму Пруткову, любого яркого литературного героя, у которого нет единого прототипа. Или скажем так: в обычном для образованных носителей русского языка значении этого слова «воображаемый объект» есть объект, существующий *только* в воображении тех людей, которые о нем говорят, но никак *не* в реальности.

Соответственно, «воображаемыми сообществами» мы назовем такие человеческие сообщества, которые существуют *только* в чьем-то воображении, но *не на самом деле*. Примерами «воображаемых сообществ» — в обыденном,

общепопулярном смысле — могут служить разнообразные множества людей, каждое из которых описывается единым признаком, наличие которого, однако, никак не побуждает этих людей ко взаимному знакомству и каким-либо солидарным действиям. Таковы множества, состоящие из носителей фамилии Петров, обладателей русых волос, лиц одного роста, родившихся в один календарный день, или из тех, у кого удален аппендикс.

Не всегда можно ручаться, что признак, на который мы обратили внимание, ни при каких обстоятельствах не сможет соединить людей узами солидарности. Например, в России никогда не занимались выяснением расовой принадлежности ее жителей и не увязывали юридический статус человека с расовой принадлежностью его родителей и более отдаленных предков. Но в Мексике в колониальное время, а в США даже в первой половине XX в. это было обычной практикой. Поэтому в России люди одинаковой расовой принадлежности образуют лишь воображаемые сообщества, тогда как в Мексике и США это были сообщества вполне реальные: объединения негров, борющихся за свои ущемляемые по расовому признаку права. Рассказ А. Конан-Дойля «Союз рыжих» показывает, как легко в Англии второй половины XIX в. преступник мог в своих целях сформировать эфемерное реальное сообщество на базе воображаемого. В Санкт-Петербурге уже давно существует и активно действует «Клуб Наташ», объединяющий женщин — носительниц этого имени. Почему Елены, Софьи, Сергеи, Вадимы образуют лишь воображаемые сообщества, и только Наташи сообщество не воображаемое, а реальное — едва ли кто-нибудь сможет объяснить. Но разница между этими сообществами остается фактом.

Стараясь понять мысль Б. Андерсона, мы наталкиваемся на серьезное препятствие. Оказывается, если воспринимать слово «imagined» («воображаемый») в его обычном значении, то мы мысль Б. Андерсона не поймем. Потому что Б. Андерсон, разъясняя смысл своего определения нации, предлагает нам принципиально иное значение термина «воображаемый» / «imagined»:

«Оно [сообщество] воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности. Все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а может быть, даже и они), — воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности / подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» (с. 48) («It is imagined because the members of even the smallest nation will never know most of their fellow-members, meet them, or even hear of them, yet in the minds of each lives the image of their communion. All communities larger than primordial villages of face-to-face contact (and perhaps even these) are imagined. Communities are to be distinguished, not by their falsity / genuineness, but by the style in which they are imagined»¹⁴).

В таком необычном значении Б. Андерсон использует слово «imagined» повсюду в своей книге: от начала и до конца.

В качестве иллюстрации приведу пару цитат: из середины и из заключительной части книги: «Владелец завода в Лилле был связан с владельцем завода в Лионе только реверберацией. У них не было необходимости знать о существовании друг друга; они обычно не заключали браков с дочерьми друг друга и не наследовали собственность друг друга. Однако они сумели представить себе существование тысяч и тысяч им подобных через посредство печатного языка... Таким образом, со всемирно-исторической точки зрения, буржуазии были первыми классами, достигшими солидарностей на воображенной, по сути, основе» (с. 147) («Factory-owner in Lille was connected to factory-owner in Lyon only by reverberation. They had no necessary reason to know of one another's existence; they did not typically marry each other's daughters or inherit each other's property. But they did come to visualize in a general way the existence of thousands and thousands like themselves through print-language... Thus in world-historical terms bourgeoisies were the first classes to achieve solidarities on an essentially imagined basis»¹⁵).

«Чем для любящего является глаз, его собственный, обыкновенный глаз, с которым он родился, — тем же для патриота является язык, и при этом совершенно неважно, какой язык история сделала для него родным. Посредством этого языка, с которым знакомишься младенцем на руках у матери, а расстаешься только в могиле, воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее» (с. 254).

Получается, что Б. Андерсон изначально задает для слова «imagined» такое широкое, всеохватывающее значение, что все человеческие сообщества, кроме самых малых, попадают у него в разряд воображаемых. Так что, если мы задаем вопрос: являются ли нации сообществами воображаемыми? — то ответ мы уже получили: да, в *том* смысле, какой Б. Андерсон придает слову «воображаемый», нации суть воображаемые сообщества. Отвечая на такой вопрос, можно не обращать внимания, да и не нужно обращать внимание ни на какие детали национальных самоидентификаций, ни на какое своеобразие тех способов, какими создавалась в прошлом тех или иных стран идентичность ведущих наций. Ведь не бывает так, чтобы все люди, принадлежащие к определенной нации, даже малочисленной, были знакомы между собой; а только это, по Б. Андерсону, и важно.

Поэтому с расхожим тезисом: «Бенедикт Андерсон доказал, что современные политические нации суть по природе своей воображаемые сообщества» — соглашаться не следует. На самом деле Б. Андерсон таким образом ничего не доказал, а лишь прибег к крайне сомнительному эвристическому приему. Можно, конечно, объявить всякую перемену в обществе революцией, всякого человека господином и даже всякую муху слонем. Но это не значит — доказать, что всякая муха — слон, и т.д. Это значит лишить слова «революция», «господин» и «слон» тех смыслов, которые помогают нам ориентироваться в реальности, — превратить их в пустышки. Вот так и Б. Андерсон лишил, в контексте

данного определения, всякого смысла слово «imagined». В самом деле, попробуем убрать его из определения. Тогда определение нации примет следующий вид: «Это политическое сообщество, неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное».

Изменился ли от этого смысл определения? Я никакого изменения не замечаю. Ключевые понятия этого определения — «ограниченное» сообщество и «суверенное» сообщество — требуют, конечно, разъяснений. У Б. Андерсона такие разъяснения есть: «Нация воображается *ограниченной*, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством. Даже наиболее мессиански настроенные националисты не грезят о том дне, когда все члены рода человеческого вольются в их нацию, как это было возможно в некоторые эпохи, когда, скажем, христиане могли мечтать о всецело христианской планете» (с. 48–49); «В современном представлении государственный суверенитет полностью, монотонно и равномерно распространяется на каждый квадратный сантиметр законодательно отграниченной территории. В старом же воображении, в котором государства определялись центрами, границы были пронизываемыми и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой... Именно отсюда вытекает та легкость, с которой досовременным империям и королевствам удавалось на протяжении длительных периодов времени удерживать под своей властью чрезвычайно разнородные и часто даже территориально не соприкасавшиеся друг с другом населения» (с. 65–66).

«Она [нация] воображается *суверенной*, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушали легитимность установленного Богом иерархического династического государства... Нации мечтают быть свободными и, если под властью Бога, то сразу же. Залог и символ этой свободы — суверенное государство» (с. 49) («It is imagined as sovereign because the concept was born in an age in which Enlightenment and Revolution were destroying the legitimacy of the divinely-ordained, hierarchical dynastic realm... Nations dream of being free, and, if under God, directly so. The gage and emblem of this freedom is the sovereign state»¹⁶).

Здесь следует несколько исправить перевод. Едва ли имеет какой-либо смысл на русском языке высказывание: «Если нации под властью Бога, то сразу же». Смысл высказывания Б. Андерсона на самом деле следующий: нации мечтают быть свободными, и если они, вопреки этой мечте, остаются под властью Бога, то предпочитают быть непосредственно и прямо под Богом, а не под властью другой нации или силы, «опосредующей» власть Бога.

Заметим: на протяжении всей книги Б. Андерсон употребляет слово «imagined» в таком необычном смысле; но *не только* в таком. В обычном смысле это слово у него употребляется тоже. Читатель вправе спросить: коль скоро главный вывод — что нации суть сообщества воображаемые — задан изначально

но уже самим определением, то зачем в таком случае Б. Андерсон писал все остальные разделы книги?

На это Б. Андерсон ответил в уже процитированных строках. Вот его ответ: «Сообщества следует различать не по их ложности / подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются».

И правда: основная, самая интересная и содержательная часть труда Б. Андерсона посвящена характеристикам разнообразных способов интеллектуальной работы представителей будущих наций, направленной на их формирование. Именно эту скромную исследовательскую проблему *применительно только к некоторым* странам и эпохам он ставит и решает своим исследованием.

Описание процесса формирования наций он начинает со сложного и интересного экскурса, который здесь можно передать лишь тезисно. Андерсон констатирует: на рубеже XVIII и XIX вв. в Европе и Америке имел место кризис религиозных ценностей. Идея же нации была изоморфна религии и заместила ее в сознании людей. Это суррогат; но лучше суррогат, чем ничего.

Подробные экскурсии Б. Андерсона посвящены распространению книгопечатания в Европе в XV–XVI вв. и изменениям в статусе языков: когда какие из них в какой стране становились государственными. «Эти печатные языки закладывали основы национального сознания тремя разными способами. Во-первых, и в первую очередь, они создавали унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков. Люди, говорившие на колоссальном множестве французских, английских или испанских языков, которым могло оказываться трудно или даже невозможно понять друг друга в разговоре, обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только эти сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти со-читатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально воображаемого сообщества» (с. 100–101). Похоже, Б. Андерсон верил, будто каждый читатель газеты знал ее тираж и все читатели данной газеты реагировали на ее публикации одинаково...

Следующий экскурс Б. Андерсон посвятил процессу формирования латиноамериканских наций в 1776–1838 гг. Там конкуренции языков не было вообще, зато все 18 государств бывшей Испанской Америки были в XVI–XVIII вв. колониальными административными единицами (с. 112–113). Б. Андерсон не рассматривает и даже не высказывает предположение, что испанские власти проводили эти границы в свое время не произвольно, а считаясь с местными особенностями. Но зато предполагает, что карьерные перемещения образованных, амбициозных и творчески настроенных уроженцев тех мест происходили главным образом в пределах тех самых границ, а потому в тех же пределах формировались и «воображаемые» общности.

Хотя национальная государственность отрицает династический принцип, некоторые династии попытались стать национальными, что означало для них нешуточную ломку традиции. К середине XIX в. «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы — что они англичане, Гогенцоллерны — что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.»; «Эти “официальные национализмы” лучше всего понятны как средство совмещения натурализации с удержанием династической власти — в частности, над огромными многоязычными владениями, накопившимися со времен Средневековья, — или, иначе говоря, как средство натягивания маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи» (с. 158–160).

Кроме того, Б. Андерсон показывает, как создавалось единство Индонезии (с. 202–211), как колониальная интеллигенция пыталась сформировать новую общность во Французской Западной Африке (с. 211–212) и во Французском Индокитае (с. 212–222), как в процессе «воображения» будущих наций использовалось музейное дело и какое значение для этого имела картография. Я не хочу сказать, что все эти и другие предположения и построения бесспорны. Я хочу сказать, что они очень интересны и что каждое из них заслуживает более детального рассмотрения, чем позволяют рамки этой рецензии.

Оценивая основную часть исследования Б. Андерсона столь высоко, я категорически не согласен с тезисом, будто политические нации суть сообщества воображаемые (в общепринятом смысле слова «воображаемые»). Возможно, читатель усмотрит здесь противоречие. Думаю, что на самом деле противоречия нет. Во-первых, реально существующее сообщество — точно так же, как реально существующие Солнце, дом и железную дорогу — можно еще и вообразить. А главное, в возникновении как реального дома, так и реальной железной дороги немалую роль сыграло человеческое воображение: дом, до того, как его отстроили в камне, какое-то время существовал только в воображении архитектора и в проекте; железную дорогу нужно было сначала спланировать, и только потом можно было строить. Эти обстоятельства не дают нам оснований называть построенный дом и действующую железную дорогу воображаемыми. Однако если реально существующий дом является памятником архитектуры и вызывает интерес с этой стороны, то замысел архитектора и проекты, даже нереализованные, важны для понимания, почему реальный дом получился именно таким. Аналогично в формировании любой реальной нации немалую роль сыграло воображение людей. Но это обстоятельство никак не делает нацию воображаемым сообществом.

Что же такое политическая нация?

Индустриальное, а затем и постиндустриальное общество строится не человечеством в целом сразу на всей Земле, а сначала лишь отдельными его частями. Эти части человечества образуют сообщества людей, которые корректно будет называть политическими *нациями*. Они лишь слабо коррелируют с общностями другого рода — этническими, т.е. национальностями. Так, *россияне* —

политическая нация, в которую входят многие *этнические* общности: *русские*, татары, коми, кабардинцы, якуты, буряты и пр.

Представьте себе человека, который всю жизнь жил и работал в Омске, но, когда он вышел на пенсию и ему потребовался уход, один из сыновей пригласил его переселиться в С.-Петербург. Туда перевели его пенсию, и он сам переехал на жительство с берегов Иртыша на берега Невы. Казалось бы: всю жизнь человек работал на Омск, а на старости лет живет за счет Санкт-Петербурга. Несправедливо? Но никто так не считает, и мы с вами прекрасно понимаем, что это в порядке вещей. Потому что кто-то другой подобным же образом переместится из Санкт-Петербурга в Нижневартовск, а третий из Нижневартовска в Омск — и миллиарды таких перемещений людей, трудов, услуг, финансов взаимно суммируются на общую пользу, когда они происходят в пределах единого человеческого сообщества, которое называется Россия. Видимые черты единства этого человеческого сообщества — единый бюджет; единое правовое поле, регулирующее наполнение бюджета и перераспределение средств; единая власть, т.е. контроль со стороны силовых структур, гарантируемая этими же силовыми структурами безопасность и оборона. Если бы тот же человек переехал из Омска не в Санкт-Петербург, а в Бостон, Шанхай, Тель-Авив или Джакарту, т.е. туда, где существует *другая* политическая нация, с переводом его пенсии и с адаптацией на новом месте всё было бы намного сложнее.

Таким образом, современная политическая нация — это совокупность людей, объединенных устойчивыми и ясно осознаваемыми общими интересами в сферах совместной обороны, единого правового поля (юрисдикции) и бюджета. О «бюджетной» стороне процесса формирования политических наций сам Б. Андерсон не говорит почти ничего, однако в одном месте цитирует наблюдение Э. Хобсбаума: «За период с 1830 по 1850 г. государственные расходы на душу населения выросли в Испании на 25%, во Франции на 40%, в России на 44%, в Бельгии на 50%, в Австрии на 70%, в США на 75% и в Нидерландах — более чем на 90%»¹⁷ (цит. на с. 145).

Следовательно, не особенно интересуясь этим аспектом, Б. Андерсон всё же осознавал его важность. Если в какой-то стране одна часть людей устойчиво считает, что ее обирает и на ней паразитирует другая часть людей, то это значит, что в данной стране единая политическая нация не сложилась. Например, в Косове во времена существования Югославии сербы были уверены, что они платят налоги, которые идут на пользу не столько им, сербам, сколько албанцам, у которых рождаемость была гораздо выше, чем у сербов, и которые получали большие пособия.

Что объединяет людей в политическую нацию и затем укрепляет, и поддерживает единство политической нации? Это уже другой вопрос, и ответа, какой мог бы претендовать на полноту, нет, вероятно, ни у кого. Невозможно сомневаться в том, что важным фактором является единый язык. Тем не менее швейцарская политическая нация пользуется тремя языками, а в Латинской

Америке единство языка (испанского) отнюдь не делает перуанцев и мексиканцев единой нацией. Людей сплачивают общие ценности, сходство психического склада, чувство принадлежности к единой культуре и тому подобные тонкие материи и трудноуловимые вещи. Нам понятно, что Пушкин, Достоевский, Лев Толстой писали такие тексты, которые охотно читали почти все грамотные жители Российской империи, и таким образом они вносили ощутимый вклад в формирование единой российской политической нации, хотя едва ли сознательно преследовали такую цель. Но такие заслуги становятся очевидными только по прошествии времени. Оценить значение деятельности художников, музыкантов, ученых, путешественников для формирования культурной основы политического единства России еще сложнее: обычно мы верим, что оно было велико, но никаких способов измерить его величину (или величие) нет. Разумеется, война против общего противника часто оказывается мощнейшим консолидирующим фактором, о чем наши власти всегда вспоминают перед 9 Мая. Однако иногда война, наоборот, разобщает союзников — например, если один партнер считает, будто другой, желая общей победы, предоставляет первому проливать кровь, а свои усилия экономит. Антигитлеровская коалиция распалась после 1945 г. именно под такие попреки.

Новое время — время формирования политических наций, т.е. затухающих перемещений границ между ними. Во Франции в начале нового времени политическая нация уже существовала почти в тех же границах, что и сейчас. Англия в 1707 г. объединилась с Шотландией, образовав Великобританию. Эта политическая нация — сначала английская, потом британская — империю себе завоевала на полмира, однако не смогла ассимилировать соседнюю ирландскую нацию, после многих кровавых попыток к 1922 г. вынуждена была признать задачу невыполнимой и удовлетворилась Ольстером, причем даже он надолго стал «горячей точкой». Американская политическая нация возникла в 1776–1787 гг. Она пыталась включить в себя канадскую, но так и не смогла. Своеобразие уклада жизни Юга США, связанное с рабством, но далеко не только с ним, привело в 1850-х гг. к дивергенции внутри американской нации: в частности, южане были уверены, что северяне, т.е. большинство, использует бюджет исключительно в своих секционных интересах, поддерживая строительство новых железных дорог главным образом в Новой Англии, где их и так было много, а не на Юге и не на Западе. В 1861 г. США распались надвое, но северная часть страны в ходе жестокой гражданской войны сумела удержать южную под своим контролем и восстановить единство страны. Итальянская политическая нация возникла в 1861 г., германская — в 1871 г., предварительно (в 1866–1867 гг.) исторгнув из своего состава австрийскую, с венграми, румынами и разнообразными славянами. Австро-венгерская имперская политическая нация в 1918 г. распалась на множество небольших (собственно австрийскую, венгерскую, чехословацкую), а некоторые ее бывшие части (румыны, словенцы, хорваты) присоединились к соседям. Евреи до 1880-х гг. не были политической нацией,

однако сионистское движение устами Теодора Герцля прямо поставило задачу сделать их таковой и породило Государство Израиль в 1948 г.

Весь XIX в. формировавшиеся политические нации воевали между собой, «откусывая» у соседей какие-то территории и пытаясь ассимилировать население этих территорий. Эльзас и Лотарингия между Францией и Германией — самый яркий пример такого рода. В школьных учебниках, естественно, все те события, которые вели к формированию политических наций *в их нынешних границах*, преподносятся как благие, а все события, какие могли бы провести иные границы между теми же государствами, какие есть сейчас, или породить иные государства — как плохие. То есть деятельность Гарибальди, Бисмарка, Линкольна, в результате которой Италия, Германия и США обрели границы, близкие нынешним, одобряется. (Примерно на тот же манер в учебниках русской церковной истории одобряются все деятели, работавшие на объединение вокруг Москвы, но не те, кто хотел объединить русские земли вокруг Твери или Вильно.) Но, по совести, совершенно непонятно, почему мы должны считать идеальными именно нынешние границы и нынешние столицы. На самом деле приверженность участников борьбы вокруг границ той или другой политической нации — стороне конфликта определялась обстоятельствами, которые обычно кажутся постороннему наблюдателю пустяковыми и случайными, но которые, однако, были очень важны в глазах самих этих людей.

История знает немало и неудачных попыток создания политических наций. Пример Югославии общеизвестен. Сам Б. Андерсон приводит в качестве примеров Французскую Западную Африку и — гораздо более подробно — Французский Индокитай. «Эта индокитайскость, хотя и была вполне реальна, тем не менее была вообразена небольшой группой, причем вообразена ненадолго» (с. 215). В этот же ряд можно поставить центральноамериканцев. В 1823 г., после падения испанской власти, Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика объединились в Соединенные провинции Центральной Америки. Но эта федерация распалась в 1839 г., а попытка ее воссоздания, предпринятая президентом Гватемалы Х. Р. Барриосом в 1885 г., провалилась. Применительно именно к таким не сложившимся или несостоявшимся нациям Б. Андерсон использует слово «imagined» в значении «воображаемое» (но не «воображенное») сообщество. Это различие смыслов, на которое я обещал указать, ясно видно в приведенном его высказывании об «индокитайскости».

Я считаю вопросы «что такое политическая нация?» и «каким образом люди объединяются в политическую нацию?» — разными вопросами, уместными для разных стадий выполнения классического исследовательского алгоритма. Но Б. Андерсон был уверен, что именно сведения о том, каким образом сформировались нации, необходимы и достаточны, чтобы понять, что же нации суть такое: «Отправной точкой для меня стало то, что национальность — или, как было бы предпочтительнее сформулировать это понятие в свете многозначности данного слова, *национальность* / nation-ness, а вместе с ней и национализм

являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью» (с. 44).

Поэтому в основной части своей книги Б. Андерсон уже не придерживался классического исследовательского алгоритма. У него каждая глава начинается с предварительного описания нации в том аспекте, которому и посвящена данная глава, а продолжается исследованием этого аспекта, так что границу между предварительной и основной частями исследования он пересекает легко и многократно. Слово «imagined» / «воображаемый» / «воображенный» служит Б. Андерсону как пароль при пересечении этой границы! Искусственный, им самим заданный и описанный смысл этого слова он использует для предварительной характеристики нации, естественный же и общепонятный смысл — при описании интеллектуальных усилий лексикографов, борцов за свои национальные языки, поэтов и тому подобных персонажей, чьими стараниями на протяжении исторического времени созидались политические нации.

Почему характеристика политической нации как «воображаемого сообщества» стала самым известным, самым расхожим тезисом книги Б. Андерсона? Я предлагаю следующее объяснение. Почти все наши читатели изучали основы философии и накрепко усвоили бинарное противопоставление объективное–субъективное. Люди объединяются в политические нации не по какому-то внешнему, видимому признаку, а по общему для них всех умонастроению. Но «умонастроение» — будь то умонастроение одного человека или же одинаковое умонастроение многих людей — непохоже на объективный параметр, характеризующий общество. Гораздо легче отнести его к противоположной сфере — к сфере субъективного. А если нацию объединяет что-то субъективное и больше ничего, ее можно и даже нужно считать «воображаемым сообществом».

Я считаю такой ход мысли ошибочным и думаю, что философским корнем ошибки является бинарное противопоставление объективное–субъективное. В истории и в жизни общества многие явления не принадлежат ни к числу «существующих вполне объективно», ни к числу «существующих только субъективно, лишь в чем-то воображении». Политическая нация — лишь одно из многих таких явлений.

Думаю, что каждому читателю, для кого русский язык — родной, доводилось обсуждать какие-то высказывания на предмет их соответствия или несоответствия нормам русского литературного языка. Спрашивается: эти нормы субъективны или же они существуют объективно? Формулируют эти нормы те люди, за которыми сообщество носителей русского языка признаёт авторитет и право судить об этом: выдающиеся писатели, специалисты по грамматике и лексикографии. Если бы эти люди руководствовались в своих суждениях исключительно своим вкусом и пристрастиями, они быстро растеряли бы свой авторитет. Их авторитет строится на том, что они лучше других носителей языка

знают его историю, состояние, возможности, проблемы — и в этом смысле нормы, охраняемые ими, объективны. Однако нормы эти имеют принципиально важное значение только для тех, кто сейчас пользуется русским языком. Они не имеют ни малейшего значения, например, для жителей бразильской глубинки. Нормы эти не являются обязательными и для других поколений носителей русского языка: язык меняется, нормы пересматриваются. В этом смысле они субъективны. Сообщество носителей русского (или любого другого мирового) языка является «воображаемым сообществом» точно в том же смысле, что и политическая нация, — т.е. оно тоже не является «воображаемым сообществом».

Произведения современного изобразительного искусства обычно оцениваются экспертным сообществом. Члены этого сообщества, обладающие специальными знаниями в своей области, нередко объявляют шедеврами такие произведения, на какие профан вроде автора этих строк не обратил бы ни малейшего внимания. Но покупатели на аукционах, признавая авторитет этих экспертов, нередко платят за эти произведения огромные деньги. В отличие от нации такие экспертные сообщества — это сравнительно узкий круг лиц, и их во все времена подозревали в том, что они умышленно поднимают ажиотаж вокруг дутых величин. Но, с другой стороны, ценность произведений искусства определяется только мнением авторитетных экспертов в этой области. Узнать, какова эта ценность *sub specie aeternitatis* — с точки зрения вечности — нет никакой возможности. Экспертное сообщество искусствоведов является (не является) «воображаемым» в том же смысле, что и политическая нация, и сообщество носителей определенного языка.

Если в сознании биржевых маклеров наличествует уверенность, что некая компания на грани краха, они будут продавать акции этой компании за бесценок. Если такая субъективная уверенность возникла на основе дезинформации, то такие продажи могут довести компанию, чье положение по объективным показателям является стабильным, до банкротства. Правительства уже знают: если на бирже возникла паника — надо биржу закрывать. Иначе финансовый крах, перспектива которого изначально существует только в маклерском воображении, станет реальностью. Тут, казалось бы, речь идет о материях серьезнее некуда: об экономике, о больших деньгах. Но даже в них, оказывается, нет основы настолько объективной, чтобы им было нипочем «субъективное» паникерство. Биржевые маклеры не образуют сообщества, подобного политической нации, носителям языка или экспертному сообществу: их объединяет не умонастроение, а профессиональный статус. Однако приведенный пример наглядно показывает, что умонастроение способно сотворить такую ощутимую реальность, как финансовый крах. Политические нации — просто еще один, менее наглядный и более добрый пример такого сотворения.

Итак, выводы. Базовое понятие книги Б. Андерсона, а точнее предикат базового понятия — «воображаемые» сообщества — следует признать неудачным и дезориентирующим. Нации суть сообщества вполне реальные, хотя тот

признак, который наличествует у людей, объединенных в определенную политическую нацию, и не может быть зафиксирован средствами объективного контроля. Думаю, что с полным доверием следует отнестись к заявлению Б. Андерсона: «Цель этой книги — высказать ряд предварительных предложений по поводу более удовлетворительной интерпретации “аномалии” национализма» (с. 44) («The aim of this book is to offer some tentative suggestions for a more satisfactory interpretation of the “anomaly” of nationalism»¹⁸).

В таком случае читатель, не ожидая от этой книги того, чего в ней нет, с гораздо большей пользой усвоит то, что в ней есть.

- ¹ Менделеев Д. И. Периодическая законность химических элементов (1871) // Менделеев Д. И. Периодический закон / Ред., вступ. ст. и примеч. Б. М. Кедрова. М., 1958. С. 102–176.
- ² Там же. С. 102–103.
- ³ Там же. С. 107.
- ⁴ Там же. С. 131, 150, 157.
- ⁵ Менделеев Д. И. Периодический закон. Дополнительные материалы / Ред., коммент. Б. М. Кедрова. М., 1960. С. 524.
- ⁶ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 415–544.
- ⁷ Там же. С. 424.
- ⁸ Там же. С. 430.
- ⁹ Там же. С. 543.
- ¹⁰ Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998. С. 7–288.
- ¹¹ Там же. С. 53.
- ¹² Там же. С. 51–52, 139–144, 201–202.
- ¹³ Anderson B. Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London–N. Y., 1991. P. 6.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid. P. 77.
- ¹⁶ Ibid. P. 7.
- ¹⁷ Hobsbawm E. The Age of Revolution, 1789–1848. N. Y., 1964. P. 229.
- ¹⁸ Anderson B. Imagined Societies. P. 4.

References

- Anderson B. Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London–N. Y., 1991.
- Efroimson V. P. The Genetics of Genius. Moscow, 1998. (In Russian).
- Hobsbawm E. The Age of Revolution, 1789–1848. N. Y., 1964.
- Ilyin I. A. On Monarchy and Republic // Collected works: In 10 vols. Vol. 4. Moscow, 1994. P. 415–544. (In Russian).
- Mendeleev D. I. On the Periodical Law of the Chemical Elements (1871) // Mendeleev D. I. The Periodical Law / Ed., introd., remarks by B. M. Kedrov. Moscow, 1958. P. 102–176. (In Russian).
- Mendeleev D. I. The Periodical Law. Additional materials / Ed., comments by B. M. Kedrov. Moscow, 1960. (In Russian).

Список литературы

- Ильин И. А. О монархии и республике // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 415–544.
- Менделеев Д. И. Периодическая законность химических элементов (1871). // Менделеев Д. И. Периодический закон / Ред., вст. ст. и примеч. Б. М. Кедрова. М., 1958. С. 102–176.
- Менделеев Д. И. Периодический закон. Дополнительные материалы / Ред. и коммент. Б. М. Кедрова. М., 1960.

Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика. М.: Русский мир, 1998.

Anderson B. Imagined Societies. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London–N. Y., 1991.

Hobsbawm E. The Age of Revolution, 1789–1848. N. Y., 1964.

S. Isaev. Review of the monograph: *Anderson B. Imagined Societies.*

Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Transl. into Russian by V. Nikolaev;

introduction by S. P. Ban'kovskaya. Second print in Russian. M., 2016. 416 p.

Исаев, Сергей Александрович, к. и. н., ст. науч. сотр. Санкт-Петербургского института истории РАН.

Isaev, Sergey Alexandrovich, Ph. D., senior researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru